

И. М. МАЙСКИЙ

Воспоминания советского дипломата. 1925–1945 гг.

<Фрагмент>

<...>

Зима 1939/40 г. носила очень бурный характер в англо-советских отношениях. Она ознаменовалась тремя волнами антисоветского бешенства, отделенными друг от друга небольшими промежутками более спокойных настроений.

Первая волна поднялась сразу после заключения советско-германского пакта о ненападении 23 августа 1939 г. Она питалась крайним раздражением правящих кругов Англии и Франции по поводу того, что из тройственных переговоров 1939 г. о пакте взаимопомощи они вышли весьма бесславно, за что Чемберлен и Даладье должны были винить только самих себя. Вместо этого они обрушились на СССР, обвиняя его в «двойной игре» и в «неискренности». По существу в основе вспыхнувшей антисоветской кампании лежала обида западных политиков на то, что советская дипломатия оказалась умнее англо-французской и что в результате СССР не попал в тот капкан, который ему подготовили Англия и Франция. Тогдашний заместитель министра иностранных дел Англии Р. А. Батлер, о котором мне придется дальше немало говорить, как-то довольно прозрачно даже намекал мне на это. Однако первая антисоветская волна очень быстро спала, ибо ровно через неделю, 1 сентября, началась вторая мировая война, и британскому (а также французскому) правительству пришлось сосредоточить свое внимание на совсем других вещах. Одним из последствий первой кампании явилось аннулирование британскими фирмами советских заказов на станки, машины, оборудование, размещенных в Англии задолго до войны, но еще

частично не выполненных английскими заводами. У всех фирм была одна и та же отговорка: «Началась война, и теперь все это нужно нам самим». Не приходилось сомневаться, что за спиной фирм стояло правительство.

Вторая и уже гораздо более высокая волна поднялась после воссоединения Западной Белоруссии и Украины. В печати, по радио, в парламенте, с церковной кафедры кричали об «ударе в спину» полякам, о новом «разделе Польши» между Германией и Россией, о «вероломстве» большевиков и т. п. Однако и вторая волна бушевала недолго: по существу она спала уже к 1 октября, ярким симптомом чего явилась речь Черчилля по радио, произнесенная как раз в этот день. Коснувшись в ней событий в Восточной Европе, Черчилль сказал: «То, что русские армии стоят на этой линии, было явно необходимым с точки зрения безопасности России от нацистской угрозы. Как бы то ни было, но линия установлена и создан Восточный фронт, на который нацисты не осмеливаются напасть».

Прослушав речь Черчилля, я решил, что в политической атмосфере Англии, очевидно, подули несколько другие, более благоприятные для СССР ветры. Мне захотелось произвести проверку, и я позвонил Черчиллю. В течение ряда лет перед войной мы поддерживали с ним доброе знакомство, но с момента вступления Черчилля в кабинет Чемберлена в сентябре 1939 г. я воздерживался от попыток увидеться с ним, не зная, как будет встречена моя инициатива. Сейчас Черчилль откликнулся на мой звонок чрезвычайно любезно и пригласил меня заехать в адмиралтейство, где как морской министр он имел свою официальную резиденцию. Эта встреча мне хорошо запомнилась.

Когда 6 октября около 5 часов дня я оказался перед громадным, тяжелым зданием адмиралтейства, на улицах Лондона был большой туман, в котором гасли фонари и подымались ночные тени. Черчилль принял меня в своем министерском кабинете. Разговор сначала носил легкий, полусветский характер. Потом Черчилль перешел к воспоминаниям, которые были связаны у него с тем самым кабинетом, в котором мы находились. Ведь ровно четверть века назад, во время первой мировой войны, он сидел в этой комнате — тоже в качестве морского министра — и даже оставил здесь некоторые «реликвии», сохранившиеся до настоящего дня; тут Черчилль встал, подошел к стене, находившейся позади его кресла перед письменным столом (мы разговаривали

в другом углу кабинета, сидя на диване), и открыл вделанные в нее деревянные створки. За ними оказалась большая морская карта с различными значками и отметками.

— По этой карте, — заметил Черчилль, — я следил тогда за передвижениями германского флота.

Затем разговор перешел на более серьезные темы. Черчилль выразил сожаление, что сейчас наши страны не вместе в борьбе против гитлеровской Германии. Я ответил, что, как ему хорошо известно, это не наша вина, что ответственность за это лежит на премьер-министре того самого правительства, в котором он сейчас участвует.

— Знаю, знаю, — скороговоркой бросил Черчилль, — но не стоит вспоминать старое... Все это уже пройденный этап...

Потом Черчилль продолжал:

— Сейчас надо думать не о прошлом, а о будущем.

И дальше он стал излагать мне свои взгляды. Расхождение между Англией и СССР — печальное недоразумение. По существу интересы Англии и СССР в настоящее время совпадают. СССР не может желать усиления гитлеровской Германии, захвата ею Прибалтики, выхода на Балканы и Черное море. Это противоречило бы безопасности Советской страны и всей прошлой истории борьбы между славянами и тевтонами. Но Англия и Франция также не могут потерпеть, чтобы Гитлер захватил Румынию, Югославию, Болгарию и особенно Турцию. Таким образом, имеется общность очень важных интересов между Советским Союзом, Англией и Францией. Да, сейчас из-за ошибок, сделанных Чемберленом минувшим летом, Россия и англо-французский блок разошлись, но он, Черчилль, уверен, что в дальнейшем ходе войны они еще встретятся и поведут общую борьбу с нацистской Германией. Именно поэтому Черчилль всячески противодействует разжиганию антисоветских страстей в английских политических кругах и рекомендует министрам короны сохранять трезвую голову и следовать велениям здравого смысла. В частности, он, Черчилль, недавно доказывал некоторым своим коллегам по кабинету, что Англия не должна возражать против создания советских военно-морских баз на Балтике. Такие базы направлены против Германии и могут быть только полезны с точки зрения британских интересов. <...>

